

Стоило молодому Хокаге покинуть палату, как Данзо тут же принялся за дело. Он спокойно подошел к апатичному малышу, у которого нет сил, чтобы даже кричать, и с некоторой небрежностью провел рукой по сохранившемуся желтому пушку на голове ребенка. Шимура спокоен и полностью игнорирует наличие в палате еще пары АНБУшников, кроме его подчиненных. Хмыкнул и спокойно повернулся к ждущему команды Яманако.

- Аmano, возьми ребенка и покажешь нашим специалистам, – холодный, ничего не выражающий голос и полное равнодушие в глазах Данзо, но слова предельно корректны и подобраны осторожно, чтобы никто не смог к ним придраться. – После доложишь, как все прошло.

- Хай! – мгновенно отозвался Яманако и, подхватив ребенка на руки, исчез из палаты, а вот Шимура не стал торопиться. Прекрасно осознавая, что за ним будут следить, он решил вначале закончить все свои дела в госпитале и отдать нужные приказы об организации похорон Сандайме Хокаге и других, достаточно именитых шиноби, что Коноха потеряла при нападении. В конце концов, они выполнили свое предназначение, да и ему не помешало бы прибавить немного плюсов к своей репутации, пока Намикадзе не в состоянии принимать решения.

Данзо вышел из палаты в наипрекраснейшем настроении, хотя и старался этого не показывать, а после отправился отдавать распоряжения. Много времени это не заняло, все же он был не последним человеком в Листе, и там, где остальные споткнутся, он пройдет и не заметит. Ну а после он с чувством выполненного долга отправился к себе на базу Корня. Нет, он мог бы погулять по Конохе, но зачем? Оценивать степень разрушений? Так отчеты и без того предоставляли ему все данные о произошедшем, и он прекрасно знал о том, насколько пострадала деревня. Да и прогулка до госпиталя и обратно лишь подтвердила полученную информацию, поэтому устраивать дополнительные проверки Шимура считал излишним, у него и без этого много дел.

Стоило пожилому мужчине добраться до своего кабинета и устроиться в кресле, как мгновенно раздался стук. Глава Корня не торопится давать разрешение войти: вначале кидает взгляд на печать-определитель, что находилась прямо на двери, и только убедившись, что тот, кто стоит за дверью является его подчиненным, причем с активной печатью на языке, он разрешает

войти. В кабинет незаметной тенью проскальзывает Яманако, который заслужил право оставить себе имя – Аmano, и, преклонив колени, дожидается разрешения говорить. Шимура размышляет недолго, в конце концов, ему самому любопытно, какие результаты дало использования яда Орочимару. Нет, он не жаждал того, чтобы отпрыск Йондайме остался жив, но и терпеть еще десять лет для захвата Кьюби считал недальновидным и даже глупым.

Зато ему было искренне жаль, что не получится воспитать ребенка в Корне, все же Намикадзе не глуп и, после того как очнется от наведенной иллюзии, поймет, что его надурили. Да, Минато подписал бумаги о передаче дитя в приют, но там нет указания отдать дитя в Корень, что плохо. Стоит Данзо сделать шаг в сторону и прикарманить себе джинчурики против воли его отца, как тот сразу же об этом узнает. С одной стороны это плохо, но с другой - Шимура уже нашел выход и сделал первые шаги к его реализации. Слепой ребенок из Учих, чем не кандидатура в друзья? Особенно если правильно расставить акценты и шепнуть что надо и кому надо. Конечно, в таком случае процесс приручения растянется на долгие годы, но с другой стороны, так даже лучше. У него будет время внушить нужные мысли ребенку, оставаясь в тени, или же устроить так, чтобы у него не было выбора, и он добровольно бы пришел в его отряд.

- Говори, – равнодушно бросает Шимура, отвлекаясь от своих мыслей о возможном будущем и сосредотачиваясь на коленопреклоненном бойце.

- Ирренины осмотрели и вылечили ребенка. Особых осложнений нет, только трещины в чакраканалах, но они уже начали регенерировать, – спокойно и безэмоционально отзывается Яманако.

- Узумаки, – с непонятной интонацией тянет Данзо, вроде и брезгливо, но с другой стороны в его тоне присутствует и восхищение. Станный коктейль. Однако, Глава Корня быстро берет себя в руки и негромко, с равнодушием уточняет. - Что с его разумом?

- Он слишком мал и тот толком не сформирован, поэтому пережил такую встряску спокойно, максимальные осложнения: он подсознательно будет бояться красного или желтого, – равнодушно отзывается Аmano. – Однако, главное, что душа цела, и печать не пострадала, хотя и стала немного слабее.

- Хорошо, есть возможность перезапечатать демона? – мгновенно прозвучал вопрос, и в глазах Шимуры появился стальной блеск.

- Нет, печать по-прежнему сильна, по прогнозам она будет нерушима еще десять лет, возможно меньше, – ответ не задерживается. Возникает ощущение, что Яманако ждал именно этого вопроса. – При постоянной эмоциональной встряске ее разрушение возможно раньше.

- Вот как, – недовольный взгляд, но Глава Корня слишком привык сдерживаться, поэтому быстро взял себя в руки, – Возможна ли установка закладок на верность?

- На данный момент – нет, слишком много остаточной чакры Кьюби в чакраканалах, и яд только усугубил положение, – безэмоционально отзывается Яманако. – Любая попытка окончится травмами для попытавшегося воздействовать на джинчурики при нулевом результате.

- Хм... – услышав последние сведения, Данзо задумался. Все же в нем еще жила надежда, что удастся все переиграть и получить биджу в личное пользование, но если все так, как говорил боец, то об этом придется забыть на ближайшее время. Единственное, о чем Глава Корня сожалел, так это о том, что действовать придется осторожно и ограничиться наблюдением за носителем демона. Учитывая особенности джинчурики, придется забыть о нем на долгие пять лет, что плохо, но с другой стороны Учихи и Йодайме за это время поостынут и их внимание будет не таким плотным. – Свободен.

Однако, не успевает Шимура закончить говорить, как вновь раздается стук в дверь, и вскоре Яманако перед ним заменяет один из Безликих, что сопровождал его во время похода в госпиталь. Похоже, появились первые вести от Учих, что очень обрадовало Главу Корня, хотя внешне это никак не отразилось. Данзо привычно скрыл все свои эмоции под маской равнодушия. Да и рано было пока ликовать, то что он сделал лишь посевы, всходы будут годами позже. Ну а пока он решил выслушать своего верного пса.

- Докладывай, – холодный голос и собранный вид. Шимура готов услышать любые вести, привычно давя в себе надежды на лучшее, кому как не ему знать, что любой, даже самый выверенный план может полететь в пропасть из-за любой незначительной мелочи.

- Иренин обследовал наследника и приступил к лечению, до полного выздоровления еще далеко, но процесс уже начат, – глухо из-за маски звучит голос АНБУшника. - Однако, у него в дальнейшем возможны проблемы с легкими.

- Неважно, что со слепой? – спокойно, и даже несколько расслаблено, кивает Шимура, понимая, что часть его плана уже осуществилась.

- Фугаку-сан передал калеку, согласно договору, и получил взамен труп с хорошо поставленным спектаклем, – равнодушно отзывается АНБУшник, который, возможно, лично наблюдал за той трагедией в семье. – Ребенок, согласно вашим распоряжениям, был перенесен на базу и обследован. Болезней и отклонений, кроме слепоты, нет.

- Что с совместимостью генов? – подается вперед Данзо, в голосе звучит хорошо спрятанное предвкушение.

- Высокая, но иренины не советуют проводить операцию раньше, чем у джинчурики сформируются достаточно развитые чакроканалы, – безэмоционально сообщил боец. – Предположительное время – шесть-семь лет.

- Хорошо, – с некоторым недовольством кивает Глава Корня. Он ожидал совершенно другого ответа, но признавал, что ему и без этого достаточно повезло. Стоит временно поумерить аппетиты и затаиться, заодно придумать на что переключить внимание двух обманутых отцов. – Когда будет закончено лечение демона, возьми их двоих и отнесешь в детский дом, где работает Ноно, – Данзо небрежно достает и кидает перед бойцом две тонких папочки. – Тут все документы на этих двоих.

- Им оставят только имена? – едва уловимое удивление скользнуло в голосе АНБУшника, но в глазах оно не появилось.

- Да, – кивает Шимура, но внезапно по его губам скользит ядовитая усмешка, и он добавляет. – Хотя пусть они будут Наруто Какко* и Саске Брайндо**. Свободен.

- Хай! – мгновенно откликается боец и исчезает из кабинета, чтобы спустя несколько часов с двумя свертками покинуть территорию своего подразделения и отдать детей на попечение бывшего бойца Корня. Ну и заодно он хотел передать ей стандартный пакет с фотографиями и письмами от ее якобы сына.

Безликого бойца встретили в приюте настороженно, хотя и не отказали в приюте двум детям. Правда, особые распоряжения не понравились Ноно, но с другой стороны, незаменимых людей нет, а у бывшего члена Корня нет права отказаться. Да и у Данзо были свои планы на эту женщину, тем более, у него была возможность повлиять на ее решение. К тому же этот приют не был закреплен за Корнем, его финансировала служба Хокаге.

Пока Данзо разговаривал с Хокаге и после решал разнообразные проблемы, зачастую ничем друг с другом не связанные, в кабинете главы госпиталя замер черноволосый мужчина. Фугаку, казалось бы, не двигался и никак не показывал своего состояния, хотя если бы сторонний наблюдатель посмотрел ему в глаза, он бы поразился буре эмоций, что плескалась в них. Шаринган - главное достояние Клана Учиха - в его глазницах вел себя странно, но вскоре все прекратилось, и глаза Главы Клана вернули себе свой глубокий черный цвет, и только судорожно сжатые кулаки свидетельствовали, что он только что был на грани. Он все же был отцом, и свою дочь он любил, но выбор... Как он иногда ненавидел это! Однако, он был Главой Клана и не имел прав на слабость, а сейчас ему нужно взять себя в руки и отправиться успокаивать Микото, которая в любой момент могла проснуться. Он обязан быть сильным, хотя бы ради них.

Когда спустя десяток минут после того, как из кабинета вышел Шимура, оттуда же появился Фугаку, ничего не напоминало о том, что там происходило, мужчина хорошо спрятал бурю в своей душе. Неторопливо и гордо он вернулся к своей так и не проснувшейся жене. Впрочем, Учиха был этому даже рад, ему требовалось время, чтобы все обдумать и принять, раз уж изменить он не в силах. Подпись, поставленную с помощью чакропроводящих чернил, подделать нельзя. Данзо хорошо подготовился и загнал его в тупик. Теперь ему оставалось только, сцепив зубы, ждать, что же придумают его умельцы. В руках Фугаку зашевелилась его жена.

- Куда ты уходил? – устало спросила своего мужа Микото и, немного отстранившись, посмотрела на него красными глазами.

- Договаривался насчет лечения Итачи, – тихо отозвался мужчина и, не выдержав радости, что полыхнула в глазах его жены, отвел глаза.

- Хорошо, – не справившись с эмоциями, Микото уткнулась в плечо мужа и тихо расплакалась от облегчения, уже не видя, как в глазах Фугаку на мгновение вспыхивает дикая боль и ненависть к самому себе, а после он осторожно привлекает ее к себе и начинает гладить по волосам.

Они не знают сколько так сидят, но через некоторое время мимо них проходит тройка ирьенинов, чья выправка и холодные глаза не оставляют сомнения откуда они. Медики, молча поклонившись замершей чете Учиха, скрываются в палате их сына, а спустя долгие пять часов от них нет известий. В общем, к окончанию операции оба родителя были на взводе, и вышедших ирьенинов встретил целый шквал вопросов от Микото. Фугаку поступил проще: стоило жене отвлечься, как клон ее мужа отправился на поиски штатного состава госпиталя. В конце концов, он должен был убедиться, что ему не солгали, и его сын и правда пойдет на поправку. Убедился, только вот это не принесло ему сильной радости, ведь его отравляло боль от того, что он собственными руками подписал приговор своей дочери, а ровно через час известие о ее "смерти" достигло и его жену. Боль Микото была сильной, и сам Глава Клана Учих уже не ощущал, что поступил правильно, но убеждал себя в обратном. Любой бы на его месте поступил так же, верно?

Впрочем, сила убеждения - сильная вещь, но ровно до того момента, как ты не начинаешь понимать всю глупость своего поступка. Первым ударом по его самообладанию стало то, что на следующее утро после того, как прооперировали Итачи, прибыла Сендзю Цунаде вместе со своей ученицей и Гама-сеннином. Правда и тут Учиха смог себя убедить, что его сын мог не дожидаться помощи, хотя чувство вины, что глодало его с того момента, как он собственноручно передал хрупкое тельце людям Данзо, вновь подняло голову. Его собственное решение перестало казаться правильным, но изменить он уже ничего не мог. Тем более, что пока не завершится основное расследование нападения, у него связаны руки, да и убитый Йондайме Обито не прибавлял оптимизма. Клан Учиха медленно подпирала к стенке, и помощи ждать было не от куда, смерть наследника слишком сильно подкосила Намикадзе, еще и Кушина не пришла в себя. Однако, все перекрывала новость, что Итачи на третий день очнулся, и его с Микото пустили к сыну.

- Ка-сан, то-сан, что с имото? – первый вопрос, который прозвучал из уст его ребенка, стоило им пересечь порог. Радостные улыбки на лицах мгновенно исчезли. – Что с Саске? – Мальчик попытался подняться, не обращая внимания, что на его повязках вновь начала проступать кровь.

- Тихо, Итачи, успокойся, – Микото мгновенно подскочила к своему сыну и, пряча глаза, попыталась его уложить на место, но не добилась особого результата.

- Что с моей сестрой?! – после излишне эмоционального крика Итачи буквально скрутило от сильного кашля.

- Она умерла два дня назад, – выдавил из себя Фугаку, боясь смотреть в глаза своему сыну, но, тем не менее, продолжая говорить официальную версию смерти своей дочери. – Ее организм не выдержал встряски. Ушиб, что она получила во время вашего падения, спровоцировал кровоизлияние в мозг. Саске не успели спасти.

- Нет, – тихо и как-то обреченно шепчет мальчик, по его щекам текут слезы, но страшнее всего, что он молчит. Безмолвная скорбь, которую он отказывается разделить с родными. Мальчик,

который за короткое время повзрослел. Хотя нет, это не он повзрослел, это действия взрослых убили в нем ребенка, и его отец это понял, как никто другой.

- Итачи, – пытается достучаться до своего сына Микото, но когда тот поднимает на нее глаза, вздрагивает. Абсолютно пустой и ничего не выражающий, спустя мгновение он сменился на двухтомойный Шаринган, а ведь ее сыну только шесть лет!

- Я хочу остаться один, – спокойный голос и мертвый взгляд.

- Но... - попыталась возразить Микото.

- Хорошо, мы придем провести тебя завтра, – устало прикрыв глаза, произнес ее муж.

- Фугаку...! – возмущенно вскинулась женщина, но тот лишь покачал головой и отвернулся. Только сейчас Микото заметила насколько усталым и постаревшим выглядит ее муж, поэтому резко выдохнула и, взяв себя в руки, вымучено улыбнулась. – Хорошо, мы придем навестить тебя завтра, Итачи, – рука тянется взлохматить волосы сына, но тот отшатывается, и она, вздрогнув, замирает, а после возвращает руку назад и, тихо поднявшись, говорит. – Мы придем завтра. Не скучай, Итачи.

Ответа она не получает и, оглядываясь, подходит к своему мужу, который, приобняв ее за плечи, выводит из палаты. Фугаку паршиво вдвойне, теперь он ясно видит, сколько боли принесло его решение, а ведь мог же попытаться найти другой способ! Теперь ему осталось только пожинать плоды своих ошибок.

В отличие от Главы Клана Учиха, Йондайме после разговора с Данзо не отправился никого утешать. Он просто шел, в его голове не было ни единой мысли, он не слышал криков своего ученика, не видел ничего вокруг. Очнулся он уже в палате своей жены, бездумно сидя у ее постели и слушая тихое пиликанье аппаратуры. Бледная с алыми волосами, что рассыпались по белоснежным простыням, она казалась мертвой, и только едва-едва приподнимающаяся грудь показывала, что это не так. Однако, Намикадзе знал, что если ничего не предпринять, его жена может и умереть, но что он мог? Не ирьенин, он не знает как лечить, впрочем, весть сенсею и Цунаде-хеме он отправил сразу же как очнулся, поэтому шансы, что он не потеряет хотя бы возлюбленную, у него были.

Минато запрещал себе думать, что это не получится, и Кушина умрет. Однако, стоило отвлечься от жены, как с новой силой всплывали картины разрушенного селения и крови вокруг, а после внезапно появлялся его новорожденный сын, объятый ядовитой чакрой и превращающийся в биджу. Намикадзе сам не понял, как погрузился в сон, и его одолели кошмары. В них он лишался всего, он не успевал и видел, как его сына разносило на кровавые ошметки взрывами, а спустя секунду он видел, как Кушину давила громадная лапа Кьюби. Раз за разом, он видел, как все умирали все кровавее и кровавее.

- Минато! – внезапно в кошмары проник посторонний голос, который он бы узнал из тысячи. Это голос Джираи, его сенсея.

- Да что ты с ним возишься? – второй, не менее знакомый, голос прозвучал совсем рядом и, в следующую секунду, на него обрушилась ледяная вода. Намикадзе резко вскакивает и потрясенно оглядывается, замечая, что недалеко стоит Джирая и Цунаде-хеме с пустым кувшином, из которого вероятно его и полили.

- Что? – растерянно спрашивает он у них.

- Вот видишь, а я же говорила, что так он очнется быстрее, – довольно усмехнулась Сендзу и, повернувшись к двери, скомандовала. – Шизуне, все готово?

- Да, Цунаде-сама, – в палату врывается Като, а за ней еще трое ирьенинов с каталкой, которые споро переключают жену Йондайме и бегом увозят ее в непонятном направлении.

- Что вы делаете? – пытается как-то повлиять на действия медиков Минато, но его резко останавливает Цунаде.

- Я сделаю все, чтобы ей помочь, а ты не мешай, – заступив путь молодому Хокаге, жестко говорит женщина. – После я потребую подробный рассказ, как все так получилось.

- Выпей, – в руки к замершему Намикадзе вкладывают стакан, наполненный прозрачной жидкостью. Посмотрев пустым взглядом на своего сенсея, Минато залпом выпивает предложенное и начинает кашлять. – Что это?

- Саке, тебе оно было необходимо, – пожимает могучими плечами мужчина, а после, быстро воссоздав вокруг них барьер от прослушивания, спокойно добавляет. – Рассказывай.

Возможно, Джирая и относился к своему ученику как к сыну, но он никак не ожидал, что на него обрушится именно такие откровения. Однако, стоит отдать Гама-сеннину должное. Он слушал внимательно и не перебивал, давая Минато то, что ему было необходимо, – выговориться. Он не ругал, не упрекал и никак не комментировал то, что ему рассказали, и Намикадзе был ему благодарен за понимание, казалось, что с каждым сказанным словом ему становится легче дышать. Правда, в самом конце, Джирая все же не удержался и спросил:

- Что ты скажешь, Кушине? Она так ждала вашего сына...

- Правду, – тихо отозвался ученик саннина и поежился от неприятных мыслей. – Наш сын мертв.

- Ты в этом уверен? - переспросил у Минато Гама-сеннин.

- Да, я был там, я видел все своими глазами, - сгорбившись, отозвался молодой мужчина, что за одну ночь сильно постарел.

Молодой Хокаге не видел, как сжались губы его сенсея, и что он хотел что-то сказать. Нет, Джирая не сомневался в словах своего ученика, но его настораживало присутствие во всем этом Данзо, ощущение, что они что-то упускают, никак не покидало санина. Однако, сделать сейчас он ничего не мог, но вот собрать информацию о нападении он посчитал обязательным, как и посоветоваться с Цунаде.

Продолжение следует...

Примечания:

* - Какко (カクコ Kakkō) – по-японски кукушка. Намек на то, что те тоже не воспитывают своих детей и подбрасывают свои яйца к другим птицам, как и поступил Минато отдав своего сына на милость Данзо.

** - Брайндо (ブラインド Buraindo) – по-японски слепая.

<http://tl.rulate.ru/book/53766/1363642>